

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ

Уинстон Черчилль

Закат политической карьеры

«Бульдог опять упустил свою кость», — пишет Эмрис Хьюз, имея в виду, что Черчилль не смог прийти к власти в итоге выборов в парламент в 1950 г.

После этого нового провала вся оставшаяся у Черчилля энергия сконцентрировалась на нападках на лейбористское правительство. Стараясь максимально дискредитировать его, Черчилль пытался ускорить новые выборы в палату общин. Если ранее он ограничивался критикой в адрес лейбористов по внутриполитическим проблемам, то отныне сделал предметом нападок их политику перевооружения. Разумеется, Черчилль выступал не против гонки вооружений, а утверждал, что все делается не так, как надо и как делалось бы, если бы он был премьер-министром.

Положение лейбористского правительства подтачивалось тем, что проводимая им политика противоречила интересам народа, снижала его жизненный уровень и влекла за собой рост военной опасности. Под влиянием этих факторов внутри руководства лейбористской партии возникли резкие разногласия. В апреле 1951 г. они привели к уходу в отставку министра труда и национальной повинности Эньюрина Бивена и некоторых других деятелей, занимавших менее видные посты. В отставку подали люди, считавшиеся левыми, и среди них будущий премьер-министр Гарольд Вильсон.

Неблагоприятное положение в стране и в партии вынудило лейбористское правительство назначить досрочные выборы в парламент на 25 октября 1951 г.

Вопрос о войне и мире был главным на выборах. Английскому народу надоели двуличные лейбористские министры,

позировавшие как социалисты, а действовавшие как заурядные империалисты. Он разочаровался в их деятельности и готов был заменить их другими. Но рядовые англичане опасались, как бы консервативные министры, если они придут к власти, не втянули страну в большую войну. Поэтому консерваторы сделали все возможное, дабы убедить избирателей в том, что подобные опасения не имеют под собой оснований. Это была трудная задача, учитывая действительную внешнюю политику консерваторов.

Черчилля очень беспокоило, что его рассматривают как поджигателя войны. Поэтому он опять пустил в ход предложение об организации совещания с главами правительств СССР и США, если консерваторы придут к власти.

Английская печать подробно обсуждала вопрос, каковы будут последствия того, что палец Черчилля окажется на курке английской военной машины. Когда газета «Дейли миррор» опубликовала на своей первой полосе огромное изображение руки с пальцем на курке револьвера, Черчилль подал на газету в суд, требуя возмещения за ущерб, причиненный ему путем опубликования клеветнической информации. В соответствии с английскими законами иск Черчилля был признан обоснованным, газета принесла ему публичные извинения и выплатила крупную компенсацию, которую он передал на содержание домов для престарелых.

Консерваторы выиграли избирательную кампанию, но не получили устойчивого большинства, на которое рассчитывал Черчилль и которое ему было так нужно. В новой палате общин консерваторы получили 321 место, а лейбористы — 295.

Итоги выборов были объявлены 25 октября 1951 г., а на следующий день Черчилль снова, в третий и последний раз, стал премьер-министром Англии. Основные посты в сформированном им правительстве получили представители старой консервативной гвардии. Антони Идеи по традиции стал министром иностранных дел. Батлер, много поработавший над подготовкой программных заявлений партии, соответствующих новой обстановке, получил портфель министра финансов. Лорд Вултон, руководивший организацией консервативной партии, стал лордом — президентом совета. Старый помощник Черчилля профессор Линдеман, который к этому времени уже именовался лордом Черуэллом, был назначен министром почт.

Сам Черчилль, следуя практике, которая была введена им в военное время, взял себе портфель министра обороны, которому подчинялись военно-морской, военный и авиационный министры. Однако в мирное время такая практика оказалась ненужной, да и силы у Черчилля были уже не те, и он вскоре отказался от этого поста.

На сей раз Черчилль стал премьер-министром, когда ему было уже 77 лет. Со стороны могло показаться, что и в этом возрасте он все еще чувствовал себя вполне здоровым и достаточно энергичным. Однако в действительности могучий организм Черчилля начал сдавать. Он постепенно глох, и обращения за помощью к врачам не дали ощутимых результатов. Вследствие напряжения, которое Черчилль испытал во время парламентских выборов в октябре 1951 г., глухота значительно усилилась. В момент выборов Моран, размышляя о состоянии здоровья Черчилля, пришел к выводу: «Если он победит на этих выборах и возвратится на Даунинг-стрит, 10, я сомневаюсь, будет ли он в состоянии справиться с работой. За последние 14 месяцев... он потерял почву под ногами и уже не в состоянии, как прежде, схватывать суть вещей и событий».

Последнее премьерство доставило Черчиллю вначале большое удовлетворение. Он понимал, что в 1940 г. его сделали главой правительства в силу сложившихся югда особых условий. Теперь же, в 1951 г., Черчилль получил кресло премьер-министра в полном соответствии с английской традицией, после победы возглавляемой им партии на выборах.

Когда министры-консерваторы разместились в палате общин на казначейской скамье (т. е. на первой скамье, где по традиции сидят члены правительства), у всех были свежи «в памяти ожесточенные нападки Черчилля на лейбористское правительство в период с 1945 по 1951 г., а также его выступления против политических противников в ходе двух последних избирательных кампаний. Поэтому с большим изумлением политические наблюдатели отметили совершенно необычные для Черчилля спокойствие и сдержанность, с которыми он начал теперь действовать в качестве премьер-министра. «Что нужно народу, — заявил он, — так это несколько лет хорошего устойчивого управления. В чем нуждается палата общин, так это в периоде терпимого и конструктивного обсуждения стоящих перед нами вопросов в соответствии с тем значением, которое они имеют, без того,

чтобы каждая речь, произносимая с той или иной стороны, была продиктована страстностью одной избирательной кампании или соображениями подготовки к другой такой кампании».

Для такой сдержанности были две причины решающего значения. Деятельность правительства Эттли — Бевина в области внешней политики осуществлялась в полном соответствии с собственными взглядами Черчилля. Естественно, он считал, что в этой сфере никакие изменения не требуются. Его правительство попросту продолжало политику своих лейбористских предшественников без каких-либо существенных модификаций.

Черчилль, критиковавший лейбористов за неудовлетворительное руководство делом перевооружения Англии, принял решение о том, чтобы перевооружение осуществлялось несколько менее интенсивно. Правительство Эттли имело в виду истратить на гонку вооружений 4700 млн ф. ст. в течение трех лет, Черчилль же запланировал израсходовать эту сумму за четыре года. Это удивило многих. Дело, однако, было не в том, что правительство Черчилля стремилось замедлить темпы перевооружения. Оно понимало, что возложенное лейбористами на Англию бремя вооружений слишком тяжело для английской экономики, и, опасаясь экономического краха, несколько облегчило его.

Что касается внутренней политики, то и здесь консервативное правительство никаких радикальных изменений не внесло, хотя эта область деятельности лейбористов подвергалась в свое время ожесточенной критике со стороны Черчилля. Система социального страхования продолжала действовать при новом правительстве в том виде, как она была создана лейбористами в первые послевоенные годы. Даже в таком важном для консерваторов вопросе, как национализация, правительство Черчилля по существу ничего не изменило. Были денационализированы лишь металлургическая промышленность и автомобильный транспорт. Это означало, что английская крупная буржуазия, представителем и выразителем интересов которой был Уинстон Черчилль, считала экономические и социальные реформы, проведенные правительством Эттли — Бевина, соответствующими ее интересам.

Разрыв между политикой консервативной и лейбористской партий все больше и больше сокращался. Это становилось отличительной чертой политической жизни послевоенной Англии.

А в общем внутривластические проблемы по-прежнему мало интересовали Черчилля. В этой сфере его министры действовали со значительной долей самостоятельности. Премьер сосредоточил свое внимание прежде всего на вопросах внешней политики.

В январе 1952 г. Черчилль, направился в Соединенные Штаты для встречи с президентом США. Он с помпой, в стиле военных лет, прибыл в Америку в сопровождении большой группы советников и сотрудников. Переговоры касались ряда важных проблем. Черчилль хотел получить у американцев помощь для осуществления программы перевооружения. Была достигнута договоренность о том, что Соединенные Штаты поставят Англии сталь в обмен на цветные металлы. Еще в 1948 г. лейбористское правительство разрешило создание на Британских островах американских военных баз. Теперь Черчилль договорился с американцами, что в случае войны эти базы будут использоваться по взаимному согласию обоих правительств. Участники переговоров подтвердили свою готовность консультироваться в дальнейшем по всем важным вопросам, затрагивающим проблему войны и мира. Президент и премьер-министр обещали поддерживать создаваемое Европейское оборонительное сообщество и использовать Западную Германию в военных блоках, участниками которых являлись Англия и США. Черчилль пытался добиться американского согласия на то, чтобы в армиях стран НАТО на вооружение была принята новая английская винтовка, которую англичане считали лучшей 'в мире. Однако американцы не пошли на это.

Черчиллю была предоставлена возможность выступить с речью перед американским конгрессом. Он воспользовался ею и в решительных выражениях заявил о поддержке Англией войны в Корее и политики, проводимой США против Китая. Его речь в конгрессе значительно отличалась от тех речей, которые он произносил в Англии. Она была более агрессивной и проамериканской. Английскую общественность несколько встревожила агрессивность заявлений, сделанных Черчиллем в Америке. Лейбористы воспользовались этим обстоятельством, чтобы повести на Черчилля атаку в палате общин по его возвращении из США. Эттли цитировал многочисленные заявления американских газет относительно выступления Черчилля в конгрессе и подчеркивал, что премьер-министр, выступая в Америке и в Англии по одним и тем же вопросам, говорил разные вещи.

Правительство Черчилля продолжало политику «с позиции силы» и уделяло большое внимание исследованиям в области атомной энергии. Еще в 1945 г., после успешного испытания в США первой атомной бомбы, Черчилль правильно оценил значение нового оружия, рожденного научно-технической революцией. Но он ошибся в своих прогнозах, связанных с политическими аспектами атомной проблемы. Не оправдались его надежды угрозой применения этого оружия подчинить Советский Союз англо-американскому диктату. Неприятной неожиданностью было для Черчилля также то, что США в августе 1946 г. актом Макмагона приняли решение не делиться с Англией атомными секретами, хотя английские ученые и техники принимали активное участие в создании нового оружия.

Неправ оказался Черчилль и в другом: во-первых, он считал, — что Сталин, когда Трумэн сообщил ему в Потсдаме о создании атомной бомбы, не понял значения этого события, и, во-вторых, полагал, что Советскому Союзу потребуется очень большой срок для раскрытия секрета нового оружия и его изготовления. Советский атомный взрыв в августе 1949 г. явился для Черчилля громом среди ясного неба, и не для него одного. Американский исследователь А. Пьерр констатирует, что «быстрота советского атомного развития явилась сюрпризом как для Лондона, так и для Вашингтона». С этого момента и до возвращения консерваторов к власти в октябре 1951 г. Черчилль неустанно критиковал лейбористское правительство за отставание в области ядерной энергии, но правительство хранило загадочное молчание. В сентябре 1949 г. Черчилль вместе с другими депутатами парламента — консерваторами потребовал пересмотра английской атомной программы на том основании, что «нас обогнали русские». «Время и терпение, — говорил, он, — эти мощные средства для разрешения человеческих затруднений, не обязательно работают на нас». Однако, как выяснилось впоследствии, Черчилль напрасно нападал на лейбористское правительство.

В конце 1974 г. в Англии была опубликована книга профессора Оксфордского университета М. Гоуинг, в которой на основании документальных источников рассказано о развитии атомной программы лейбористским правительством. 10 августа 1945 г., когда лейбористы находились у власти лишь две недели, в Лондоне были сделаны первые шати по разработке программы обеспечения для Англии ядерного потенциала, ре-

ализация которой заняла 15 лет и обошлась в миллиард фунтов стерлингов, поглотив самые дефицитные ресурсы и квалифицированную рабочую силу. Занимавшийся этой программой так называемый комитет «Джен-75» включал в свой состав премьер-министра К. Эттли, министра иностранных дел Э. Бевина, министра внутренних дел Т. Моррисона и министра торговли С. Криппса; позднее к ним присоединились министр финансов Х. Дальтон и министр снабжения Д. Уилмот. Реальная власть в этой сфере сосредоточилась в руках двух человек — К. Эттли и Д. Андерсона. Последний был крайним консерватором, сидевшим теперь на первой скамье оппозиции. В годы войны он занимал в правительстве Черчилля пост министра финансов и во многом определял политику правительства. При Черчилле Д. Андерсон руководил атомной политикой и в этой же роли находился при правительстве Эттли.

Вернувшись к власти, Черчилль «с восхищением и завистью» обнаружил, что его лейбористские предшественники уже истратили на атомную программу почти 100 млн. ф. ст., утаив эти расходы от парламента. Делать это удавалось при помощи манипуляций с бюджетом министерства снабжения, в котором расходы на разработку атомного оружия проводились по таким общим статьям, как заработная плата, здания, склады и тому подобное, без указания существа операций.

Придя к власти, Черчилль проводил в атомных делах ту же линию, которой до него следовали К. Эттли и Д. Андерсон. 3 октября 1952 г. Англия испытала свою первую атомную бомбу.

Какие цели преследовали английские правящие круги, идя на тяжелые жертвы в сфере экономики страны с целью получения собственного ядерного оружия? Во-первых, обладание им должно было укрепить позиции Англии в ее борьбе против социализма, коммунизма, национальноосвободительного движения, помочь достигнуть «урегулирования» с Советским Союзом в духе фултонской речи Черчилля, т. е. одержать победу в «холодной войне». Во-вторых, сделать более прочными позиции Англии в ее отношениях с США, которые становились все более и более неравноправными. Английская атомная бомба долита была дать возможность правительству Англии разговаривать с американцами на равных. В-третьих, правящие круги Англии питали надежду, что, обретя атомную бомбу, она вернет себе положение великой мировой державы.

Говорили о всех этих расчетах, надеждах и мечтах довольно громко и откровенно. Поэтому А. Пьерр и пришел к следующему выводу: «Черчилль полагал, что, чем бы ни обладали американцы и русские, Англия, как великая держава, должна обладать тем же». Черчилль с большим доверием относился к мнению своего многолетнего научного советника профессора Линдемана (лорда Черуэлла), который полагал, что если Англия не сможет самостоятельно изготовить атомную бомбу и должна будет целиком полагаться на США, то она упадет до «уровня государства второго ранга, которому будет позволено только поставлять вспомогательные войска». Маршал авиации Д. Слессор в книге, опубликованной в 1954 г., следующим образом формулировал позицию английского высшего военного руководства: «Если мы должны будем оставить в руках какого бы то ни было союзника монополию на инструмент такого решающего значения в таких огромной важности вопросах, как вопросы войны и мира, мы рано или поздно опустимся до уровня державы четвертого класса. Во время мира мы неминуемо утратим наше огромное влияние на союзную политику и планирование, в период войны у нас будет незначительное влияние на определение союзнической стратегии, или на установление условий мира». Черчилль формулировал свою позицию следующим образом: «Если мы не внесем свой собственный вклад (в развитие атомных вооружений), у нас не может быть уверенности, что в чрезвычайных условиях ресурсы других стран будут планироваться в точном соответствии с нашим желанием или что цели, представляющие для нас наибольшую угрозу, получают необходимый, по нашему мнению... приоритет в первые же несколько часов».

В правительстве Черчилля все были уверены, что путь к восстановлению былого величия Британии лежит через самостоятельное обладание ядерным оружием. Консерваторы не принимали в расчет то обстоятельство, что участие Англии в гонке ядерных вооружений неизбежно подорвет ее экономику и, следовательно, ослабит ее положение в ряду других держав, хотя трезвых и авторитетных предупреждений на этот счет высказывалось достаточно. Крупнейшие английские физики, действовавшие в качестве правительственных советников, — Г. Тизард и П. Блэккетт, как и многие другие, были убеждены в том, что Англии не следует разрабатывать и производить атомное и ядерное оружие. По мнению М. Гоуинг, в основе

их позиции лежала реалистическая оценка положения Англии. «Мы не являемся великой державой, — писал Г. Тизард, — и никогда не станем ею вновь. Мы — одна из великих наций, но, если мы будем продолжать вести себя как великая держава, мы вскоре перестанем быть великой нацией. Давайте усвоим урок, вытекающий из судьбы великих держав прошлого, и не будем раздуваться от гордости, как печально известная лягушка».

Эти призывы не были услышаны. В 1955 г. консервативное правительство решило полным ходом развернуть работы по изготовлению ядерного оружия. 15 мая 1957 г. была испытана первая водородная бомба английского производства.

В феврале 1952 г. в возрасте 56 лет скончался английский король Георг VI. Королевой Англии была провозглашена его дочь Елизавета II. Роялист по натуре, Черчилль с огромным удовольствием погрузился в заботы, связанные с похоронами скончавшегося короля и с восшествием на престол новой королевы. «Циники в палате общин, — пишет Эмрис Хьюз, — замечали, что Черчилль наслаждался каждой минутой долгой траурной церемонии, которая тянулась целую неделю». В эту неделю премьер-министр разразился каскадом речей, выдержанных в столь любимом им высокопарном стиле.

Характерно, что, восхваляя Георга VI, Черчилль не упускал ни единого случая для прославления собственной персоны. Отдавая последнюю дань покойному королю, он подводил англичан к мысли, что Англия прошла с честью через все испытания военных лет лишь потому, что ею управлял в трудные годы войны Уинстон Черчилль.

Восшествие на престол Елизареты II не сопровождалось какими-либо осложнениями. Расхождения между ней и правительством возникли лишь по одному вопросу — как именоваться королеве. Ее мужем стал внук греческого короля, племянник видного английского военного деятеля времен второй мировой войны лорда Маунтбэттена. Члены королевской семьи считали, что по восшествии на престол Елизавете следует сохранить фамилию мужа Маунтбэттен, которая должна перейти и к ее детям. Правительство не согласилось с этим. Королева должна была подчиниться требованию Черчилля и официально объявить об изменении собственной фамилии, которая распространялась и на ее детей. Она приняла фамилию Виндзор; тем самым было

продолжено существование Виндзорской династии. Супруг королевы сохранил свою прежнюю фамилию.

В 1953 г. молодая королева наградила Черчилля высшим орденом Англии — орденом Подвязки. Награда давала ему рыцарское достоинство и право именоваться сэром Уинстоном Черчиллем.

Последний срок пребывания у власти был бледным периодом в политической биографии Черчилля. Его стратегическая концепция, в основе которой лежала надежда ликвидировать социалистическую систему и восстановить всемирное единство системы капитализма, к этому времени изжила себя. Черчиллю самому пришлось признать это и сделать соответствующие выводы.

В 1957 г. Черчилль писал, что «возник новый, совершенно немыслимый баланс сил, баланс, который основывается на обладании средствами взаимного уничтожения». Речь шла о крупнейших, имевших огромное историческое значение достижениях Советского Союза в области пауки и техники. Советский Союз в сроки, которые Черчилль не мог предвидеть, создал вначале атомную бомбу, а затем водородную бомбу и сделал это значительно раньше, чем Англия изготовила свое ядерное оружие. Таким образом, замысел Черчилля, состоявший в том, чтобы свести счеты с Советским Союзом, пока он не обладал ядерным оружием, потерпел полный крах.

Советский Союз восстановил разрушенную войной экономику и двинулся вперед по пути дальнейшего экономического, политического и культурного развития. Все это было сделано народами Советского Союза не только без какой-либо помощи извне, но и в условиях, когда над их головой висела угроза истребительной ядерной войны, которую империалистические державы готовы были развязать в любой момент. Это был величайший подвиг советского народа.

Опираясь на поддержку Советского государства, народы ряда стран Европы и Азии успешно совершили социалистическую революцию и влились в единую семью народов, создавших социалистическую систему государств. Это был мощный удар по капитализму вообще и по английскому капитализму в частности. Не меньшим потрясением являлась национально-освободительная революция народов колоний и зависимых стран. Черчилль, гордо заявлявший в свое время, что он не намерен

председательствовать при ликвидации Британской империи, был свидетелем того, как эта империя быстро распадалась и народы, веками угнетаемые английскими империалистами, один за другим выходили на путь самостоятельного политического разпития.

И Черчилль, и его класс были бессильны помешать этим процессам, определявшим развитие истории человечества после второй мировой войны. Английское лейбористское правительство вместе с оамерикаистш и рядом других империалистических правительств создало систему военно-политических блоков в соответствии с планом, намеченным Черчиллем в его речи в Фултоие. Однако эти блоки, оказавшись перед лицом политической и военной мощи, которая была противопоставлена им социалистическим лагерем и другими силами, выступавшими за сохранение мира, оказались не в состоянии достигнуть тех целей, которые намечал Черчилль в Фултоне. В самой Англии, равно как и в других империалистических странах, возникло мощное движение народов за мир, против провозглашенной Черчиллем политики войны. Это движение стало серьезной поддержкой миролюбивого внешнеполитического курса стран социализма и существенным препятствием на пути англо-американских организаторов третьей мировой войны. Политика гонки вооружений, которую с благословения Черчилля провозгласило лейбористское правительство, оказалась несостоятельной. Безопасность Англии она не укрепила, а экономика страны была значительно ослаблена. «Политика перевооружения западного мира для крестового похода против коммунизма, — замечает Эмрис Хьюз, — привела Англию на грань банкротства, никоим образом не улучшив ее безопасность. Она превратилась в атомную базу Америки в Европе, открытую в случае войны для уничтожающих, сокрушительных контратак».

Ввиду всех этих обстоятельств Черчиллю в бытность его премьер-министром пришлось констатировать полный провал планов, которые он сформулировал в Фултоне. Он признал не только то, что капитализм не в состоянии уничтожить социализм силой оружия, но и то, что если такая попытка будет предпринята, то Англия, оказавшись на передовой линии ядерного фронта, первая подвергнется уничтожению.

Черчилль с большим уважением относился к крупнейшему английскому авторитету в области военной стратегии — капита-

ну Лиддел Гарту. В ряде статей Лиддел Гарт, проанализировав стратегическое положение Англии в случае атомной войны, пришел к печальному выводу, что Англия явится ее первой жертвой и что ее ждет трагическая судьба. Черчилль вынужден был заключить, что сейчас уже и речи не может быть «о безоговорочной, капитуляции Советского Союза», что в случае войны обе стороны окажутся в состоянии «разорвать на мелкие части все человечество, включая самих себя».

С этими мыслями Черчилль официально выступил весной 1935 г. А ведь еще совсем недавно, 5–7 лет назад, он считал возможным продиктовать волю западных империалистов Советскому Союзу. Нельзя бее глубочайшего возмущения читать следующие строки, написанные Черчиллем в 1957 г. и относящиеся к его размышлениям начала 50-х годов. «Мне даже приходило в голову, — пишет он, — что следует заранее объявить и провести мирную военно-воздушную демонстрацию над главными советскими городами, которая должна сопровождаться информированием советских лидеров о некоторых наших новейших изобретениях в области военной техники. Все это вызвало бы у советских лидеров более дружественное и трезвое отношение к нам». Такая «демонстрация» стала бы не чем иным, как началом войны, ибо нельзя допустить, чтобы правительство СССР в подобных условиях не приняло все меры, чтобы очистить советское небо от чужих самолетов.

Однако вскоре Черчилль приходит к выводу, что подобный шантаж и провокации в отношении СССР уже неосуществимы. «Ядерный век, — пишет он, — изменил отношения между великими державами... Производство русскими этих видов оружия и замечательный успех их военно-воздушных сил уже давно сделали невозможным осуществление этой идеи».

Обстановка в мире в те годы коренным образом изменилась, и не один Черчилль в капиталистических странах искал новую стратегию и новую политику. Стало очевидным, что сложилось новое соотношение сил, что иллюзии Фултона уже надо отбросить. Но что следует предпринять дальше?

В период, когда Черчилль терзался раздумьями на этот счет, было получено сообщение о смерти Сталина. Черчилль вел с И. В. Сталиным в годы войны интенсивную переписку. В последний период войны и на выборах в парламент 1945 г. он любил ссылаться на то, что Сталин — его лучший друг. Это

было, конечно, не что иное, как ораторский и тактический прием, применяемый для привлечения симпатий тех англичан, которые доброжелательно относились к СССР. На самом деле Черчилль питал к Сталину чувство глубокой неприязни.

Во время Ялтинской конференции состоялся обед, на котором Черчилль произнес тост, как он сам писал, «на серьезную тему». «Я возлагаю, — сказал Черчилль, — свои надежды на замечательного президента Соединенных Штатов и на маршала Сталина... которые, разбив наголову противника, поведут нас (какая необычная для Черчилля скромность. — В. Т.) на борьбу против нищеты, беспорядков, хаоса, гнета». Черчилль говорил, что считает жизнь маршала Сталина «драгоценнейшим сокровищем» и шагает по земле с большой смелостью и надеждой, сознавая, что «находится в дружеских и близких отношениях с великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру».

Эти слова были уж очень далеки от истинных чувств Черчилля. Вероятно, И. В. Сталин решил показать Черчиллю, что не верит в такую пылкую любовь английского премьер-министра. Он ответил: «Я хочу выпить за наш союз... В союзе союзники не должны обманывать друг друга. Быть может, это наивно? Опытные дипломаты могут сказать: а почему бы мне не обмануть моего союзника? Но я как наивный человек считаю, что лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак. Возможно, наш союз столь крепок именно потому, что мы не обманываем друг друга; или, быть может, потому, что не так уж легко обмануть друг друга. Я провозглашаю тост за прочность союза наших трех держав. Да будет он сильным и устойчивым; да будем мы как можно более откровенны».

Черчилль понял, что это серьезный разговор, а не шутка, и много лет спустя в мемуарах написал: «Я никогда не думал, что он может быть таким откровенным».

Когда в начале марта 1953 г. стало известно о болезни Сталина, Черчилль проявил живейший интерес по этому поводу. Он связался с советским посольством в Лондоне и просил регулярно информировать его о состоянии здоровья Сталина. Но когда И. В. Сталин скончался, «Черчилль, — пишет Эмрис Хьюз, — публично никак не реагировал на смерть Сталина. Это было в высшей степени необычным для него».

Черчилль никогда как следует не знал Советского Союза, хотя и вел против него на протяжении ряда десятилетий отчаянную

борьбу. Теперь, в 1953 г., это плохое знание советской действительности сказалось в том, что Черчилль переоценил значение смерти И. В. Сталина для советской внешней политики. Он предположил, что в ней отныне наступит коренной поворот.

Весной 1953 г. у Черчилля возникла идея организации совещания на высоком уровне между представителями СССР, Англии, США и Франции. Английский премьер-министр рассчитывал, что на совещании можно будет оказать нажим на Советское правительство и добиться от него важных уступок в пользу империалистических держав. Если бы этого достичь не удалось, то совещание все же оказалось бы полезным с разведывательной точки зрения. «За круглым столом» можно было определить, каковы шансы на то, чтобы в дальнейшем заставить Советское правительство стать более сговорчивым в отношениях с капиталистическим миром.

Относительно переговоров с Советским Союзом, о которых время от времени говорили английские деятели после второй мировой войны, Палм Датт пишет, что в действительности они предлагались «не ради достижения соглашения, а затем, чтобы испытать силы противника». Это верно и в данном случае. Черчилль, как он сам говорил, собирался выяснить, не появился ли у русских «новый взгляд».

Ему хотелось, чтобы такое совещание воскресило в памяти английского народа встречи Большой тройки периода второй мировой войны, в которых он принимал участие и которые принесли ему признание и славу. Теперь, когда двух членов Большой тройки уже не было в живых, Черчилль, несомненно, стал бы наиболее яркой фигурой такого совещания.

Важно было для Черчилля и другое: выполнить хотя бы по видимости свои обязательства перед избирателями, которым он неоднократно обещал, что, придя к власти, примет меры для организации встречи в верхах с представителями Советского Союза. Газета «Дейли телеграф» писала, что Черчилль «не питал иллюзий относительно возможностей такой встречи, но он глубоко чувствовал, что английский народ не простит, если в деле обеспечения реального мира будет упущен какой-либо шанс, как бы незначителен он ни был».

В этом вопросе у Черчилля наметились известные расхождения с американскими лидерами. Если английский премьер проявлял готовность встретиться «за круглым столом» с совет-

скими представителями, то американское правительство не хотело такой встречи: она могла лишь помешать реализации этих планов. В то время в Соединенных Штатах активизировалась реакция и на политической авансцене лицедействовал крайний реакционер сенатор Маккарти. Американское правительство осуществляло очередную серию агрессивных военных акций на Дальнем Востоке.

Английские правящие круги с известной тревогой взирали на эти в высшей степени опасные действия. Черчилль и многие другие в Англии понимали, что политика США на Дальнем Востоке может вызвать третью мировую войну. А это означало, что Англия, как выдвинутая вперед атомная база Америки, первой сгорела бы в ядерном пламени. Даже если бы дело ограничилось большой войной в границах только Дальнего Востока и Азии, то итог ее для Англии во всех случаях оказался бы отрицательным. Если бы победили народы Азии, то поражение Америки было бы одновременно и поражением Англии. Ее колониальные интересы были бы окончательно ликвидированы. Если же победителем оказались бы США, расстановка сил на Дальнем Востоке сложилась бы таким — образом, что и в этом случае Англия должна была утратить свои колониальные интересы. Их обязательно прибрал бы к рукам американский империализм.

А чувства Черчилля в отношении Советского Союза? Каковы они были в сумерки его политической жизни? Не пересмотрел ли он свое отношение к социалистическому государству, не признал ли, что борьба, которую он десятилетиями вел против него, оказалась напрасной? Ничего подобного не случилось. Более того, в 1953 г. он заявил: «Наступит день, когда во всем цивилизованном мире с несомненностью будет признано, что удушение большевизма при его рождении явилось бы величайшим благодеянием для человечества».

Это говорилось одновременно с рассуждениями о желательности встречи в верхах с советскими руководителями. Как тут не прийти к выводу, что серьезно о достижении договоренности с СССР по спорным международным проблемам он не думал.

И все же в 1953–1954 гг. к удивлению очень многих на Западе и на Востоке, Черчилль вдруг стал говорить о том, что он «желает прийти к мирному соглашению о сосуществовании с Россией». Прибыв в Америку в июне 1954 г., Черчилль, заявил:

«Я придерживаюсь того мнения, что мы должны предпринять попытку обеспечить мирное сосуществование».

Эти декларации в устах Черчилля были признанием полного краха политики, провозглашенной им в Фултоне. Там он требовал превентивной войны против Советского Союза, со стороны которого, как он утверждал, человечеству грозят самые страшные беды и опасности. Теперь же он выступал за мирное сосуществование о том же государством. Что же заставило Черчилля совершить поворот на 180 градусов?

Необычные для Черчилля высказывания объяснялись изменившимся соотношением сил в мире. Говоря о причинах, побудивших «великого воителя превратиться в умиротворителя», американский историк Флеминг пишет: «“Холодная война” закончилась тупиком, который сделал невозможным продолжение атомной дипломатии... Вначале исчезла наша атомная монополия, затем наше решающее превосходство в силах, и, наконец, создалось положение, когда наша собственная территория уже не могла быть защищена».

Было бы большой ошибкой утверждать, что в конце своей политической жизни Черчилль из врага социализма номер один превратился в сторонника мирного сосуществования с ним. Мирное сосуществование в интерпретации Черчилля далеко не то, что советские люди вкладывают в это понятие. Выступая в национальном клубе печати США, Черчилль заявил, что его предложение о мирном сосуществовании сводится к тому, чтобы «осуществить изменения в жесткой русской системе», и что эти изменения могут быть осуществлены «при помощи культурных и торговых контактов между западным миром и русским народом». Таким образом, черчиллевская идея мирного сосуществования — это новый план того, как добиться изменения и перерождения существующей в СССР социально-экономической системы, не прибегая к военным средствам.

Вернувшись в Англию из США, Черчилль заявил относительно своих бесед с американскими руководителями: «Я думаю, мы убедили их в том, что мы не отказались ни от одной из наших конечных общих целей и что существует, по крайней мере, известная мудрость в тех средствах, при помощи которых мы предлагаем достигнуть этих целей». Таким образом, Черчилль официально подтвердил, что его разговоры о мирном

сосуществовании не предусматривали отказа от борьбы против социализма во имя реставрации капитализма.

Речь, разумеется, не шла о том, чтобы капиталистический мир в своей борьбе против СССР и других социалистических стран ограничился лишь политической, экономической и идеологической борьбой. Сила, оружие являлись, как и ранее, важным средством, при помощи которого Черчилль намеревался достигнуть своих целей в отношениях с миром социализма. «Он направлял свои усилия к достижению... мира, — пишет Л. Брод, — при помощи силы». Рассказывая о том, как Черчилль принимал меры к созданию английской водородной бомбы, Брод приводит его слова о том, что она создается против Советского Союза. Одновременно Черчилль подчеркивал, — что на протяжении многих лет, начиная с последних месяцев второй мировой войны, он лелеял идею использования Германии против СССР. В конце 1954 г. Черчилль поведал пораженным англичанам, что накануне капитуляции Германии он отдал приказ фельдмаршалу Монтгомери собирать немецкое оружие, чтобы его можно было вновь раздать немцам, если вместе с ними придется выступить против СССР. Откровение Черчилля было с возмущением встречено в Англии. Оно показало, во-первых, что английское правительство вело недостойную линию в отношениях с СССР в конце войны, а во-вторых, что и теперь, в 1954 г., оно глубоко враждебно настроено к СССР. Раз Черчилль считает возможным публично хвастать подобными «заслугами», то грош цена его заверениям о стремлении к мирному урегулированию спорных вопросов. «Тайме» и другие газеты осудили излишнюю болтливость премьер-министра. «Почему, спрашивали, — замечает Брод, — Черчилль должен был вспомнить такой эпизод из прошлого в момент, когда он стремился достигнуть соглашения с новыми лидерами России?» Сам Черчилль признавался Морану: «Я беспокоюсь по поводу этой глупой ошибки... Если мой промах причинил ущерб нашим отношениям с русскими, мне придется уйти в отставку раньше, чем я предполагал».

Когда в июле 1953 г. было подписано соглашение о перемирии в Корее, американское правительство попыталось превратить колониальную войну Франции в Индокитае в общий поход империалистов против народов Юго-Восточной Азии, поднявшихся на национально-освободительную борьбу. Госу-

дарственный секретарь США Даллес выступил с идеей «объединенных действий» в Индокитае, имея в виду организовать такую же интервенцию против народов Индокитая, какая была организована Соединенными Штатами против корейского народа. В 1954 г. американская политика на Дальнем Востоке поставила мир на грань новой мировой войны. В английских правящих кругах хорошо это поняли и не на шутку встревожились.

Даллес срочно прибыл в Лондон, но не смог убедить правительство Черчилля в целесообразности развязывания большой войны в Азии. Английское правительство считало нужным рассмотреть индокитайский вопрос на конференции заинтересованных стран в Женеве.

Такая конференция состоялась. Советский Союз, Китай, Франция и ряд других стран высказались за мирное разрешение индокитайского вопроса. Англия присоединилась к ним. Американцы сочли, что англичане их предали. «Женевскому совещанию, — пишет английский историк Д. Кэмпбелл, — суждено было обострить англо-американские отношения чуть ли не до разрыва».

Причин, по которым правительство Черчилля заняло разумную позицию в Женеве, было несколько. Прежде всего, оно боялось, что авантюристическая американская политика на Дальнем Востоке приведет к возникновению третьей мировой войны с трагическими для Англии последствиями. Эмрис Хьюз следующим образом объясняет позицию англичан на Женевской конференции. «Ужас перед водородной бомбой, — пишет он, — висел над английскими лидерами. Было известно, что Россия имеет в своем распоряжении новейшую и самую разрушительную водородную бомбу. Военные эксперты подсчитали, что 8 удачно сброшенных бомб этого типа совершенно уничтожат Англию. Предполагалось, что Россия должна иметь к лету 1954 г. более 8 таких бомб... Русские технические успехи, одержанные в течение 8 лет, целиком и полностью изменили положение, и Черчилль был вынужден соответственно изменить свою политику».

Позиция Англии в Женеве определялась также и тем, что, как говорилось выше, расширение войны на Дальнем Востоке независимо от ее исхода принесло бы Англии горькие плоды поражения. За прекращение войны в Индокитае выступали многие

страны Британского содружества, и правительство Черчилля не могло игнорировать их позицию.

Однако в сентябре 1954 г. Англия явилась одним из активных участников создания военно-агрессивного блока империалистических государств для Дальнего Востока — СЕАТО¹. В заявлении МИД СССР по этому поводу говорилось: Англия и Франция «еще недавно заявляли о своем понимании национальных нужд народов Азии... Но позволительно спросить, как совместить такие заявления с участием Англии и Франции в агрессивном военном блоке, направленном против стран Азии».

Последние годы своего пребывания у власти Черчилль посвятил усилиям, направленным на включение в созданные ранее агрессивные военно-политические блоки наиболее реакционной и агрессивной в то время силы в Западной Европе — Западной Германии; стараниями правительств Англии, США и Франции у власти в Западной Германии вновь были поставлены те политические группировки, которые в свое время подготовили две мировые войны и теперь ни в коем случае не хотели примириться с итогами последней из них. Включение в империалистические блоки Западной Германии означало окончательный разрыв с политикой союза с СССР, которой придерживалось английское правительство в годы второй мировой войны, и, следовательно, ликвидацию англо-советского союзного договора 1942 г. К этому вело дело правительство Черчилля в 1952–1955 гг.

В мае 1952 г. Англия и ряд других держав заключили с правительством Аденауэра² два договора, предусматривавших создание западногерманских вооруженных сил. Имелось в виду, что эти силы явятся ядром так называемой европейской армии. Однако народы Европы понимали, что речь идет о передаче оружия тем же силам, которые совсем недавно принесли Европе столько горя и зла. В ряде стран, включая и Англию, развернулось движение против ремилитаризации Западной Германии.

Очень опасались последствий создания «европейской армии» французы. У них для этого, как известно, имелись особые причины. Черчилль знал, что без согласия Франции нельзя будет вновь вооружить Западную Германию. Знал он также, что у Франции есть веские основания страшиться вооружения Западной Германии. Как он писал позднее, «на протяжении 70 лет французы трижды подвергались вторжению из-за Рейна. Трудно было забыть Седан, кровавую баню Вердена³, крах 1940 года,

длительную и мучительную оккупацию периода Второй мировой войны... Я знал о существовании во Франции широкой враждебности идее вручения оружия новой германской республике даже при строжайших гарантиях. Но было невероятно, что советское вторжение в Западную Европу когда-либо может быть отбито без помощи немцев».

Черчилль как-то говорил Морану: «Правда настолько драгоценна, что ее должен сопровождать эскорт из лжи». В приведенном выше пассаже. подобный эскорт очень силен. Ведь эти слова написаны в 1907 г., когда уже ходом истории были опровергнуты утверждения Черчилля о мнимой советской угрозе Западной Европе, относящиеся к середине 40-х годов.

Чтобы вырвать у французов согласие на включение западногерманских воинских частей в состав «европейской армии», Черчилль запугивал их тем, что если они откажутся ратифицировать Боннский и Парижский договоры 1952 г., то германские вооруженные силы все равно будут созданы в рамках Атлантического союза. Черчилль никогда не был популярен во Франции, особенно после второй мировой войны. Не удивительно, что его грубый нажим на французское правительство вызвал возмущение. Правый депутат Национального собрания Франции Филипп Баррес заявил: «Сэру Уинстону Черчиллю не поручали управлять Францией... Нам самим надлежит решить, хотим ли мы пойти на самоубийство». Национальное собрание Франции в августе 1954 г. отклонило договор о создании Европейского оборонительного сообщества, этого, по выражению «Дейли телеграф», «дитя цюрихской речи Черчилля». В ответ английское правительство развило бурную активность по налаживанию нового соглашения о ремилитаризации Западной Германии. Созывается конференция в Лондоне, затем вторая — в Париже, где 23 октября 1954 г. девять стран, включая и Англию, подписали новые соглашения, предусматривающие ремилитаризацию Западной Германии. ФРГ включалась в Западноевропейский союз и в НАТО. Чтобы нейтрализовать опасения Франции относительно последствий такой политики в отношении ФРГ, правительство Черчилля согласилось в качестве гарантии «хорошего поведения» получающей оружие Западной Германии держать на ее территории свои воинские части. Лейборист Кроссмэн заметил по этому поводу в парламенте: «Я согласился бы с необходимостью постоянно держать английскую армию

в Европе, если, бы это было единственным способом помешать возрождению германского милитаризма, но держать 120-тысячную армию в качестве цены за возрождение германского милитаризма — это поистине величайшее безумие».

Несмотря на эти гарантии, существовали большие опасения, что французский парламент под давлением народа отвергнет и новые договоры о ремилитаризации Западной Германии. Черчилль удвоил свои усилия с целью побудить Францию ратифицировать подписанные документы. 10 января 1955 г. он обратился с письмом к премьер-министру Франции Мендес-Франсу, в котором писал: «Я буду до крайности огорчен, если увижу, что Франция изолирована и теряет свое влияние среди других держав свободного мира. Я надеюсь, что на-вашу долю выпадет спасти вашу страну от такого поворота событий». В конце концов, реакционные силы Англии, США и самой Франции добились ратификации французским парламентом соглашения о ремилитаризации Западной Германии.

Участие Англии в этих соглашениях означало, что английское правительство официально вступало вместе с правительством США, Франции и некоторых других стран в союз с ФРГ против Советского государства, ибо, как признавал и сам Черчилль, перевооружение Западной Германии было направлено против СССР. Тем самым правительство Черчилля официально заявляло перед всем миром, что оно игнорирует договор о союзе между Англией и СССР и демонстрирует готовность окончательно порвать союзные отношения с Советским Союзом, установившиеся в годы второй мировой войны.

Советское правительство неоднократно предупреждало, что, если Англия вступит в направленный против СССР союз с западногерманскими реваншистами, она тем самым разорвет англо-советский союзный договор. Правительство Черчилля не вняло предупреждениям Советского правительства, и 7 мая 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР припаял Указ об аннулировании англо-советского договора.

Это решение было принято в СССР через месяц после отставки лидера консерваторов с поста премьер-министра, однако разрыв соглашения целиком и полностью лежит па совести Черчилля, который готовил его на протяжении ряда лет. Таким образом, он закончил свою политическую карьеру двусторонней акцией: заключил союз против СССР с западногерманским империализ-

мом и одновременно разорвал договор о союзе между Англией и СССР.

К середине 50-х годов обнаружилась несостоятельность внешней политики Черчилля. Провал «холодной войны», знаменосцем которой он выступал, чрезвычайно подорвал его авторитет. С каждым днем становилось все более ясно, что во главе правительства нужен новый человек с новыми идеями, более гибкий и менее дискредитированный в глазах народа.

К тому же Черчилль был уже очень стар. Бремя обязанностей премьер-министра стало для него непосильным. Доктор Моран еще в январе 1952 г. отмечал, что у престарелого премьера «уже нет прежней жажды деятельности, он все делает с большим усилием». В июне 1953 г. у Черчилля после инсульта оказалась парализована левая сторона тела. На 79-м году жизни это было очень опасно. О степени заболевания Черчилля знали только немногие из его близкого окружения, официально сообщалось лишь, что премьер-министр болен и ему на длительное время предписан абсолютный покой. Близкие к Черчиллю люди, видя состояние больного, были единодушны в том, что к политической деятельности он уже вернуться не сможет. Но Черчилль обладал огромным запасом жизненных сил. Он сумел оправиться от удара, жизненные функции левой стороны тела восстановились, и в октябре он уже выступал на ежегодной конференции консервативной партии. Однако годы брали свое, не прошло бесследно и тяжелое заболевание.

В ноябре 1954 г. было пышно отпраздновано 80-летие Уинстона Черчилля. Произносились речи, восхвалявшие его как крупнейшего английского политического деятеля, как одного из выдающихся лидеров буржуазного мира. На чествовании присутствовала палата общин, палата лордов, дипломатический корпус и высокопоставленные гости из-за рубежа.

Парламент подарил Черчиллю портрет, написанный одним из видных английских художников — Грэхмом Сазерлендом. Портрет вызвал большие споры о его художественных достоинствах. Одни говорили, что Черчилль получился очень непохожим ни на благородного воителя, ни на престарелого государственного деятеля. Однако были и другие мнения. Один из депутатов палаты общин заявил, что это «правдивое изображение. Это портрет старого человека, погруженного в состояние депрессии и размышляющего об атомной бомбе».

Долгое время судьба портрета Черчилля, преподнесенного ему британским парламентом в 1954 г., оставалась неизвестной. И только после смерти его жены Клементины, последовавшей в декабре 1977 г., в бумагах покойной удалось обнаружить упоминание о том, что она уничтожила портрет, который не понравился ее мужу. «Я выгляжу на нем полоумным», — заявил, получив подарок, сам Черчилль. Автор» портрета художник Сазерленд охарактеризовал уничтожение картины как «акт вандализма». Впрочем, по его мнению, в проигрыше осталось само семейство Черчилля, поскольку сейчас, то есть в конце 70-х годов, это произведение оценивалось бы по крайней мере в 100 тыс. ф. ст.

На протяжении 1953–1954 гг. в руководстве консервативной партии все более и более настойчиво велись разговоры о том, что Черчиллю пора в отставку, что его следует заменить во главе правительства и консервативной партии другим лидером. Расхождений относительно его преемника не было. Еще в свое время, в 1940 г., когда Черчилля избирали лидером консервативной партии, некоторые консерваторы предлагали избрать заместителем лидера Антони Идена. Имелось в виду в какой-то степени поставить Черчилля под контроль более спокойного человека. Но тогда же признали нецелесообразность этого. В 1942 г., направляясь в США, Черчилль рекомендовал королю в случае его гибели назначить премьер-министром Идена.

Когда в 1953 г. Черчилль заболел, казалось, что, наконец, настал час Идена. Однако в это время тот сам лежал тяжелобольной после перенесенной сложной операции. Сын Черчилля Рандольф пишет, что если бы в то время Иден находился в Англии и был здоров, то его отцу пришлось бы подать в отставку и Антони Иден стал бы премьер-министром. В руководящих кругах консервативной партии тогда сочли, что не следует спешить с отставкой Черчилля, не дождавшись выздоровления Идена. По словам Рандольфа, при этом руководствовались сочувствием к Идену, который так долго ждал возможности во двориться на Даунинг-стрит, 10.

Дело, вероятно, заключалось не только в этом. В то время среди деятелей консервативной партии не было фигуры, которая могла бы быть противопоставлена Идену. Строились даже планы о создании некоего переходного правительства до выздоровления Идена. Решилось все значительно проще. Уинстон

Черчилль поправился и вновь приступил к исполнению своих обязанностей главы правительства.

Черчилль знал, что в консервативной партии усиливаются настроения в пользу его отставки. Не было секретом для него и то, что «кронпринц» заждался. Иногда Черчилль поддразнивал Антони Идена, заявляя, что Гладстон в последний раз возглавлял правительство, когда ему было уже за 80. Биографы Черчилля утверждают, что окончательное решение уйти от дел он принял в январе 1955 г.

Отставка Черчилля готовилась постепенно, без шума. Его провожали на покой со всеми возможными почестями. 4 апреля 1955 г. королева Елизавета II с супругом посетила премьер-министра в его резиденции на Даунингстрит, 10, где в ее честь был дан обед. На обеде присутствовали члены кабинета, видные лейбористы, многие военные деятели времен второй мировой войны и ближайшие сотрудники Черчилля. Присутствие королевы на обеде было знаком особого внимания к уходящему на покой премьер-министру.

В сентябре 1973 г., выступая на открытии памятника Черчиллю, сооруженного у здания парламента, королева сообщила, что в 1955 г. она предложила Черчиллю герцогский титул — отличие, которое не давалось в Англии на протяжении последних ста лет. Однако он не принял титул, пожелав сохранить собственное имя и возможность остаться в палате общин.

5 апреля все формальности были завершены. Сильно сутулясь, опираясь на палку, престарелый премьер-министр вышел из автомобиля у подъезда Букингемского дворца. Он вручил королеве просьбу об отставке со своего поста. На следующий день во дворец был приглашен Антони Идеи, и ему поручили сформировать новое правительство.

Черчилль устроил чай для сотрудников, обслуживающих резиденцию премьер-министра на Даунинг-стрит, 10, попрощался с ними и покинул этот дом навсегда. Ожидавшая у входа толпа наблюдала, как Черчилль садился в машину с неизменной сигарой во рту и в сопровождении своего пуделя Руфуса. Он отсалютовал зрителям широко известным жестом — изображением двумя пальцами правой руки латинской буквы «V», означавшей знак победы, которым он так часто приветствовал соотечественников во время своих публичных выступлений

в военные годы. Черчилль направился в свой загородный дом Чартвелл, где и провел большую часть оставшихся 10 лет жизни.

На этот раз отставка Черчилля была окончательной. Длительная политическая карьера, изобиловавшая многими прерватностями, закончилась. Номинально он остался членом парламента, но по существу полностью ушел из политической жизни.

